РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

ПИСЬМА

КЪ ДРУГУ О НЕДРУГѢ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Типографія Воли.
1903

Письма къ другу о недругѣ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

ЦАРСКІЕ ПОМѢЩИКИ И ЦАРСКІЕ МУЖИКИ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, богатѣйшаго помѣщика Михайловскаго уѣзда Рязанской губерніи, князя Гагарина, сосѣдніе мужики побили до полусмерти.

Его сіятельство давно былъ извѣстенъ во всей округѣ, какъ дикій звѣрь. Въ молодости онъ рвалъ у людей бороды, въ старости утомился, силы подошли и ему осталось только сожалѣть, что не изобрѣтена машина для выдиранія бородъ... Сосѣдникъ мужиковъ онъ притѣснялъ вѣчески —какъ только могъ... А могъ онъ много: всюду пролегаетъ его богатѣйшее имѣніе, а кругомъ народъ безземельный, босой, полуголодный ..

Впрочемъ, самъ князь думалъ и думаетъ о себѣ иначе, чѣмъ говорятъ о немъ люди: люди его называютъ звѣремъ, онъ себя считаетъ мученикомъ... Мученикомъ мученикомъ .. Тяжко князю жить съ крестьянскимъ народомъ. То мужицкій теленокъ забѣжитъ на господскій выгонъ, то лошадь заберется въ овесъ, то въ самой барской усадьбѣ Ивачова курица станетъ искать себѣ кормовъ, то мужикъ стащитъ вязанку дровъ изъ лѣса или охапку сѣна изъ стоговъ...

Угрозы, штрафы—ничто не помогаетъ. Мужики говорятъ, что иначе и быть не можетъ. Потому что, куда ни поглядитъ мужикъ вокругъ себя—все княжеская

земля; поросенокъ куда ни хрюкнетъ—все его голосъ отдается въ княжескихъ владѣніяхъ; курицѣ шага нельзя ступить, чтобы не попасть въ эти владѣнія—хоть на привязи держи ее... Мужицкаго почти что ничего столько земли, что впору только на хорошее кладбище; княжескаго—почти что все, столько земли, что хватило бы на безбѣдное существованіе тысячъ народа...

Его сіятельство былъ въ вѣчномъ безпокойствѣ и мученіяхъ. Легкое ли дѣло слышать, что изъ дремучихъ лѣсовъ пропалъ возъ хворосту, что на лугахъ не досчитываются клока сѣна! Легкое ли дѣло съ утра до ночи пылать ненавистью къ мужику, къ его теленку и поросенку, къ бабѣ, безъ спроса собирающей ягоды, къ курицѣ, безъ разрѣшенія попавшей на барскую землю!

Тяжелая княжеская жизнь! И чтобы хоть немного облегчить ее, его сіятельство задумалъ завести новыхъ сторожей: черкесовъ съ Кавказа. Это такіе великолѣпные сторожа, что лучше встрѣтиться съ медвѣдемъ одинъ на одинъ, чѣмъ со сторожемъ черкесомъ.

—Я тебя, братецъ, нанимаю, чтобы въ моемъ имѣніи былъ порядокъ, охрана... Понимаешь?

—Точно такъ, Ваше Сіятельство!

—Со всякими ворами ты можешь расправляться какъ угодно... Законъ разрѣшаетъ... Ты человѣкъ вооруженный—у тебя кинжалъ, револьверъ, ружье... Спуску не давай! Понимаешь?

—Точно такъ, Ваше Сіятельство!

—Денегъ я тебѣ даромъ давать не буду.. Мужики повадились лѣсъ мой грабить, крадучись запахиваютъ мою землю... Чтобъ этого не было! Береги лѣсъ -смотри у меня, чтобы ни одного прута не взяли! Давай острастку имъ... Слышишь?

—Точно такъ, Ваше Сіятельство. Будьте надежны.

И черкесы принялись за охрану имѣнія. Пусть попробуетъ пятилѣтній мальчишка познакомиться слад-

кимъ горохомъ въ огородѣ—изстегаютъ нагайками! Пусть баба полѣзетъ съ лукошкомъ собирать грибы или ягоды въ лѣсъ—хорошо, если вернется живая! Попробуй ка хоть прѣныхъ листьевъ набрать въ княжескомъ лѣсу... грозная бѣда!

Черкесъ не остановится ни передъ чѣмъ. Для него недолго и голову снять съ плечъ за вязанку дровъ, за потраву аршина земли... Было нѣсколько случаевъ убійства черкесами. И все хорошо сходило съ рукъ: вѣрные сторожа охраняли барскую собственность, пусть мужики сами пеняютъ на себя!

Жестокіе, словно асшиды какіе, черкесы заставляли даже говорить сосѣднихъ помѣщиковъ:

—Это добромъ не кончится! Конечно. всякому жаль своихъ дровъ, но развѣ можно за полѣно убивать человѣка? Это слишкомъ!...

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, какъ разсказываютъ, дѣло было такъ. Одинъ крестьянинъ запахалъ свою землю дальше межи—на вершокъ захватилъ княжескую. Черкесъ набросился на него, сталъ его стегать, рубить, разсвирѣпѣлъ—убилъ на смерть... За старика крестьянина вступился его сынъ, а за нимъ подошли и другіе крестьяне, къ черкесу подоспѣли на помощь еще черкесы, завязалась общая свалка съ убитыми и ранеными... Мужики оказались побѣдителями и, избивъ ненавистныхъ черкесовъ, пошли на княжескій домъ..

Князя они не застали, въ домѣ же выбили стекла, кажется, побили разныя вещи и разрушили кое какія строенія... Князя они встрѣтили потомъ по дорогѣ въ экипажѣ и избили его до полусмерти...

Былъ вызванъ телеграммой губернаторъ. Крестьяне привѣтствовали его хлѣбомъ - солью:

—Тебя мы все время ждали... не поможешь ли? Житья нѣтъ отъ князя и его черкесовъ..,

Губернаторъ сейчасъ же помогъ: арестовалъ двадцать мужиковъ и отправилъ ихъ въ острогъ на казенный

хлѣба... Значитъ, доставилъ кровь, пищу и одежду двадцати крестьянамъ... Въ острогѣ ихъ ни князь не изобидитъ, ни голодъ не доканаетъ — привольное житье!

Князь пришелъ въ сознаніе и говоритъ, что его никто и не билъ — просто лошади испугались и понесли. Должно быть, очень совѣстно признаваться, что по барскому лицу прошлась корявая мужицкая рука!

Ну, значитъ, тѣмъ лучше—дѣло окончится легче.

До насъ слухъ объ избіеніи дошелъ въ одномъ большомъ городѣ, и тотъ, кто намъ разсказывалъ, говорилъ такъ: „передаютъ, что самъ царь отдалъ распоряженіе произвести военный судъ на мѣстѣ: зачинщиковъ повѣсить, всю деревню перепороть..“

Могло быть и это. За князя Гагарина могли весь Михайловскій уѣздъ, всю Рязанскую губернію засѣчь розгами. Таковы ужъ русскіе порядки.

Остановимся мы на этихъ порядкахъ. Поразмыслимъ о тѣхъ лѣсахъ, которые съ особой свирѣпостью охранялись черкесами, поразмыслимъ о той землѣ, за вершокъ которой человѣкъ былъ уложенъ въ гробъ...

* *

*

Хорошіе, большіе лѣса у князя Гагарина! Въ этихъ лѣсахъ растетъ не два-три дерева, а цѣлые десятки тысячъ деревъ...

Десятки тысячъ деревъ принадлежатъ князю Гагарину — ему одному съ его княжеской семьей и роднёй! Не находите ли вы этого удивительнымъ? Было бы еслибы въ лѣсахъ было дѣйствительно три дерева, тогда дѣло понятное: весьма возможно, что засадилъ ихъ дѣдушка-князь и потомъ оставилъ въ наслѣдство внуку-князю... Но десятки тысячъ деревъ... неужели

какой нибудь дѣдушка могъ насадить такой лѣсъ? Невиданный, небывалый дѣдушка! О немъ, о чудо-богатырѣ, только сказки бы разсказывать да пѣсни пѣть...

А если никакой гагаринскій дѣдушка не сажалъ этихъ деревьевъ, если ихъ взростила сама мать-природа, то почему же они принадлежатъ князю Гагарину? Почему ими не владѣютъ мужики сосѣдней деревни?

Или, можетъ быть, это глупый вопросъ? Да, онъ былъ бы глупымъ, если бы мы сказали такъ: около лѣса, въ деревняхъ есть лошади, коровы, свиньи, куры — лѣсъ, значитъ, долженъ принадлежать не князю Гагарину, а имъ. Это было бы, дѣйствительно, глупо. Развѣ кто нибудь видѣлъ, что бы корова строила себѣ избу изъ дерева? или чтобы свинья топила печку дровами? или чтобы куры выдѣлывали изъ лѣсного матеріала корзины, миски, ложки, грабли?

Всякому извѣстно, что домашнія животныя этимъ не занимаются. Но видѣли ли вы крестьянина, которому былъ бы не нуженъ лѣсъ или для стройки, или для топки, или для всякой подѣлки?

Разъ ему нуженъ этотъ лѣсъ, то почему же десятки тысячъ деревъ принадлежатъ князю Гагарину, а не сосѣдней деревнѣ? Воздухъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ эта деревня и гдѣ находится княжеское имѣніе, принадлежитъ вѣдь всѣмъ — всѣ дышатъ имъ. Дѣдушка-князь не создалъ этого воздуха и внучекъ-князь не наглотается его больше чѣмъ позволятъ легкія: сколько надо. А почему же онъ столько лѣса нагналъ — владѣетъ десятками тысячъ деревъ?

Должно быть дѣло обстоитъ такъ: удивительнаго, сказочнаго дѣдушки Гагарина, который самъ насадилъ лѣсъ не было, но за то внучекъ... чудо изъ чудесъ Работничекъ онъ, какого еще не носила на себѣ земля: собственными руками строитъ онъ ежегодно милліоны домовъ, собственными руками топитъ въ нихъ безсчетное число печей, собственными руками дѣлаетъ на всю

Россію столы, табуретки, ложки, миски...

Вотъ какой небывалый, диковинный князь Гагаринъ!

Но, вѣроятно, никто не слышалъ, чтобы кто нибудь, жилъ въ милліонахъ домовъ Гагарина, чтобы вся Россія хлебала изъ его мисокъ и его ложками. Въ такомъ случаѣ, князь Гагаринъ, значитъ, еще удивительнѣе: онъ самъ, одинъ, сразу живетъ въ милліонѣ домовъ, сразу сидитъ за всѣми столами и на всѣхъ табуреткахъ сразу ѣстъ изо всѣхъ мисокъ и всѣми ложками.—Какое чудо природы! Теперь понятно, почему князю Гагарину принадлежитъ весь лѣсъ: князь Гагаринъ не одинъ, въ немъ сидитъ тысячъ десять людей...

„Но вѣдь это же неправда!“ — скажете вы. Да, дѣйствительно, мы съ вами ходимъ около какой-то неправды; надо ее разыскать. Не можетъ быть правдой, что бы у князя Гагарина были на туловищѣ тысячи рукъ которыя обрабатывали бы лѣсъ; у него только двѣ руки, но онѣ заграбастали то, съ чѣмъ могутъ справляться тысячи рукъ, множество людей. Это множество тутъ какъ разъ живетъ по сосѣдству, въ деревняхъ и нѣтъ у него ни сука, ни тесины.—Оказывается, значитъ, что у князя въ рукахъ то, что ему не нужно, а у тысячъ людей нѣтъ совсѣмъ того, что имъ нужно.

„Помилуйте, какъ же не нуженъ князю Гагарину лѣсъ—онъ съ него наживаетъ большія деньги!“—Это скажетъ и самъ князь, и его управляющій, да мало ли кто скажетъ.

Это вѣрно, что князь Гагаринъ наживаетъ съ лѣса большія деньги. Но вѣдь еслибы князь кромѣ этого лѣса захватилъ бы весь Михайловскій уѣздъ, а за Михайловскимъ—Зарайскій, Скопинскій, Егорьевскій, или всю Россію, или еще лучше весь міръ—тогда онъ наживалъ бы еще большія деньги! А еслибы онъ торговалъ людьми, продавалъ въ рабство мужиковъ Михайловскаго уѣзда—это развѣ не было бы хорошимъ денежнымъ дѣломъ?

Съ какой стороны ни посмотрѣть, нѣтъ никакихъ резоновъ, чтобы лѣсъ принадлежалъ князю Гагарину, а у мужиковъ чтобы не было ни одного деревца. Но почему же владѣетъ всѣмъ Гагаринъ? Кто далъ ему права? Природа или трудъ? Ни одинъ корень не гудѣлъ изъ подъ земли, ни одинъ листъ не шумѣлъ на деревьяхъ: „мы созданы для князя Гагарина!..“ Природа не давала никакихъ правъ Гагарину. Трудомъ своимъ онъ тоже не пріобрѣлъ этихъ правъ: онъ не въ состояніи распилить всѣхъ деревъ, свозить всего валежника—для всѣхъ работъ онъ нанимаетъ другихъ людей.

Но кто же, кто же далъ права князю Гагарину?

—Законъ.

* *

*

Законъ...

Кому принадлежатъ эти громадныя поля, тянущіяся на десятки верстъ?

—Это законная собственность великаго князя Михаила Николаевича...

—А вотъ эти заливные луга, усѣянные стогами, какъ небо звѣздами?

—Это законная собственность князя Голицына...

—Чей лѣсъ?

—Графа Рибопьера—его законная собственность...

Князья царской фамиліи, князья свѣтлѣйшіе, князья сіятельнѣйшіе, графы, бароны, дворяне, купцы—все это сотни тысячъ десятинъ земли, все это хозяева надъ пашней, сѣнокосомъ, выгономъ, лѣсомъ—и все на основаніи закона... Законная собственность!

И это въ то самое время, когда мужикъ страшно бѣдствуетъ, когда ему не на чемъ снять хлѣбъ, когда у него нѣтъ сѣна для скота, некуда выгнать овцу и

курицу, негдѣ выломить хворостины для плетня...

—Семья то у насъ большая... Да за землю намъ взяться никакъ нельзя... Своей надѣльной ее и на одного работника не хватаетъ — совсѣмъ шутя уберется съ ней... Покупать не на что... Такъ всѣ и разбрелись по чужимъ людямъ да по ремесламъ... Кабы была земля! *)

—Чего мы соберемъ то со своей земли? Тамъ въ подать отдашь, тамъ на сѣмена оставишь, соли купишь, гляди къ Покрову ужъ хлѣбушка и нѣтъ... У одного-другого какой мѣшокъ останется, а въ филипповки ужъ и не ищи — все начисто попріѣли, чужимъ хлѣбомъ живемъ! Кабы земля!

—Вѣдь вотъ она, матушка, совсѣмъ родить перестала, А почему? Стало-быть не кормимъ ее — навозомъ не ублажаемъ,.. А гдѣ ты его возьмешь, навозъ-то? Сѣнокосъ у насъ по болоту (старый баринъ еще наградилъ), выгоновъ нѣтъ... Сѣно купи ка его—какъ кусается! А за выгономъ все ходишь къ барину—скотину пустить на пастьбу, да за то тебя самаго въ скотину тоже оборотитъ! Скотъ никакъ нельзя содержать. Кабы земля!

Земля, она никогда человѣка не ударитъ... Ужъ она не надсмѣется—умѣй только угодить ей... Да только какъ ты ей угодишь, когда мужикъ совсѣмъ сталъ тощой, обнищалъ, стало быть и земля захворала, занедужала.

Человѣкъ въ порѣ, да въ хозяйственной силѣ—тогда и земля у него ласковая... А хозяйство рушится —тогда и земля стонетъ и худымъ колосомъ плачетъ...

Такъ то! Эхъ, кабы земля!

„Кабы земля, кабы земля!“ несется по всей Руси

(* Примѣч. Только что вышла книжка о малоземельи г. Воскресенскаго, податного инспектора Пронскаго уѣзда Рязанской губ. Г. Воскресенскій говоритъ, что въ Пронскомъ уѣздѣ изъ каждой сотни крестьянскихъ хозяйствъ у восьмидесяти не хватаетъ земли даже на одного работника. А Пронскій уѣздъ, какъ пишетъ и г. Воскресенскій, не отличается отъ другихъ уѣздовъ Рязанской губерніи — вездѣ тоже. А въ другихъ губеріяхъ не то же ли самое?

страшный мужицкій вопль. Изголодался народъ, истрепалъ свои силы на маленькихъ клочечкахъ земли на пескахъ и суглинкахъ... А рядомъ громадныя земельныя богатства, широкій степной просторъ, луга, выгоны, лѣса, все, что надо мужику...

Но всѣ эти земельныя богатства законъ охраняетъ для князей, графовъ, дворянъ, купцовъ—для помѣщиковъ. Охраняетъ для господъ отъ мужика.

Что же такое этотъ законъ? Представьте себѣ такой законъ:

Въ Россіи ежегодно родится два съ половиной милліона человѣкъ. Законъ предписываетъ оставить цѣльными только сто тысячъ, а у остальныхъ—отрубить руки и ноги, отрѣзать уши и выколоть глаза.

Если бы существовалъ такой законъ—неужели нашелся бы хоть одинъ человѣкъ, который не назвалъ ы его сумасшедшимъ закономъ? Какой извергъ могъ бы издать этотъ законъ? Конечно, это дѣло совершенно невозможное.

Но развѣ съ землей выходитъ не то же самое?

Крестьяне, тѣ которые весь свой трудъ отдаютъ землѣ, живутъ отъ нея,—они терпятъ вѣчный недостатокъ въ землѣ; помѣщики, которые сдаютъ землю въ аренду, нанимаютъ для обработки ея мужиковъ, значитъ сами не работаютъ,—въ ихъ рукахъ громадныя земли. Земледѣлецъ безъ земли развѣ это не все равно, что человѣкъ безъ рукъ и ногъ, безъ глазъ и ушей?

Да это все обрублено и выколото у крестьянина.

У него самого нѣтъ земли и самъ онъ кромѣ того въ помѣщичьей кабалѣ. Скотину нужно выгнать на пастбище охапка сѣна нужна, бревно—приди поклонись помѣщику... Поклонись ему и убери ему даромъ лужокъ, смечи ему стога, свези ему хлѣбъ! Иногда даже, чтобы лошадей прогнать черезъ помѣщичій клинъ къ водопою —надо и головой накланяться, и руками намаяться! На свою пашню иногда надо ѣхать черезъ помѣщичьи участки —и за это сколько приходится убрать помѣщичь-

яго сѣна и хлѣба...пока свою траву солнце жжетъ и своя рожь осыпается!

Да крестьянинъ безъ земли будетъ въ постоянной кабалѣ у помѣщика;а земли въ неработающихъ рукахъ —громадныя, необозримыя пространства. Это законная собственность помѣщиковъ...

Хороши ли тѣ порядки, которые поддерживаетъ законъ?—Порядки, при которыхъ у мужика-земледѣльца нѣтъ земли, а у людей не работающихъ сколько угодно ея,—такіе порядки не могутъ быть хорошими.

Значитъ, законъ охраняетъ худое и, слѣдовательно, онъ самъ плохъ.

Но неужели же законъ такъ таки совсѣмъ плохъ? Да, для мужиковъ онъ совсѣмъ плохъ, а для помѣщиковъ наоборотъ, это прекраснѣйшій законъ. Онъ защищаетъ ихъ, онъ стоитъ на ихъ сторонѣ.

Кто въ Россіи издаетъ законы, кто хозяинъ надъ ними? Царь и его правительство. Ясно, что царь и чиновники стоятъ на сторонѣ помѣщиковъ, что они враги крестьянъ.

Подъ ихъ покровительствомъ помѣщикъ чужими руками складываетъ стоги сѣна, молотитъ хлѣбъ; подъ ихъ покровительствомъ онъ деретъ съ крестьянъ бѣшенныя арендныя деньги, заставляетъ на себя работать за водопой, за выгонъ, за проѣзжую дорогу... Такіе порядки подъ охраной царскихъ законовъ, подъ защитой земскихъ начальниковъ и урядниковъ; розгами и штыками усмиряется всякое крестьянское недовольство.

А можетъ ли быть мужикъ довольнымъ? Пусть небо его порадовало, травы солнцемъ не посушило, хлѣба градомъ не побило, пусть его жучекъ кузька и испанская муха не изобидѣли,—чтожь спасибо небу, жучкамъ и мухамъ, но и при хорошемъ урожаѣ можно ли какъ слѣдуетъ оправиться? Пусть на это скажетъ „да!“та лисица, которая и въ дождь ухитрится выйти сухой изъ подъ бороны. Цѣлые годы неурожаевъ на истощенной

землѣ, во всемъ нехватка, большія подати—гдѣ тутъ оправиться и въ урожай!

Когда бываетъ неурожай, говорятъ: „нынче будетъ годъ трудный". Это ужъ слово такое, а для мужика всегда со всякой жатвенной Казанской и со всякой петропавловской косовицей—годъ трудный, черный, тяжелый. Легкихъ годовъ не бываетъ—можетъ и были, да мы ихъ забыли.

Времена такія, что мужикъ не можетъ быть довольнымъ. Прежде онъ говорилъ въ урожайный годъ:

Вотъ теперь, слава Богу, и починимся,.. Подати всѣ внесемъ..кой что по хозяйству справимъ... Лошадь можно купить... Можетъ, какъ на корову собьемся...

Пойдутъ дѣла!

Теперь мужикъ и въ урожайный годъ знаетъ, что дѣла то пойдутъ, да не въ гору, а подъ гору. Подати онъ внесетъ, изъ казначейства они дѣйствительно потекутъ куда надо, а вотъ по хозяйству, лошадь да корова... что и справитъ, все на слѣдующій годъ прахомъ пойдетъ!

Новые неурожаи на обѣднѣвшей землѣ—и если становой не сведетъ скотины со двора, то самъ онъ, самъ хозяинъ, отдастъ ее за безцѣнокъ на ярмаркѣ... Гдѣ ужъ тутъ держать скотину, когда нѣтъ кормовъ, когда самому пришлось запѣть голодныя пѣсни съ филипповскихъ заговѣнъ.

Нѣтъ не доводится мужику тѣшиться и въ урожайный годъ!

Всегда на сердцѣ лежитъ завтрашняя бѣда, никогда не отходитъ черная думка—ни отъ изголовья спящаго, ни въ церкви, ни въ кабакѣ...

Полуголоднымъ, оборваннымъ, въ будущемъ ожидая еще худшаго изо дня въ день живетъ русскій крестьянинъ. И онъ долженъ быть доволенъ своимъ голодомъ, лохмотьями, своими напастями... „Не ропщи! Переноси все съ миромъ! Терпи!"—такъ его учатъ попы, урядники, земскіе начальники, царь.

Ни одинъ крестьянинъ не имѣетъ права даже подумать, а не то что сказать:

— Да зачѣмъ же я буду терпѣть голодъ, страдать отъ вѣчной недостачи самаго необходимаго? Вѣдь кругомъ меня земля — если бы она была не Гагариныхъ и Голицыныхъ а наша, мы не знали бы голода, мы жили бы въ сытости отъ труда своихъ рукъ? Люди мрутъ съ голода около той самой земли, которая могла бы прокормить ихъ! Какіе это варварскіе законы! Развѣ законъ этимъ не убиваетъ людей, развѣ помѣщики, чиновники, царь не убійцы мужиковъ?

Да, они убійцы. Если у меня полонъ амбаръ хлѣба, а рядомъ со мной всѣ корчатся отъ голода, я вижу ихъ муки, слышу ихъ стоны и вопли и не отдаю имъ своего хлѣба—я убійца ихъ! Если я своими законами охраняю землю отъ тѣхъ, кто нуждается въ ней, если я оберегаю выгоды торговцевъ и помѣщиковъ, а люди мрутъ отъ этого съ голода—я убійца ихъ! Помѣщики и царь со своими чиновниками—убійцы мужиковъ.

* *

*

Понимаютъ ли это русскіе крестьяне? Одно понимаютъ, другого не понимаютъ.

Всякій мужикъ понимаетъ—шкурой, горбомъ понимаетъ, что житье его плохое, что будь въ его рукахъ земля—онъ могъ бы поправиться. Всякій мужикъ понимаетъ, что нѣтъ ничего хорошаго въ помѣщичьихъ притѣсненіяхъ, въ штрафахъ, въ отработкахъ, въ черкесахъ... Онъ понимаетъ, что жизнь устроена несправедливо, что столъ въ этой жизни не открытъ для помѣщика, а не для мужика, у котораго часто и мякины нѣтъ вдоволь...

Но почему это происходитъ—понимаетъ ли мужикъ? Плохо понимаетъ. Князь Гагаринъ нанялъ черкесовъ убивать людей; когда эти черкесы вывели крестьянъ изъ терпѣнія, мужики взбунтовались, а потомъ стали ждать защиты отъ губернатора. Князь Гагаринъ и губернаторъ—развѣ это не одного и того же поля ягода? Можетъ быть губернаторъ посовѣтуетъ князю Гагарину быть „полегче", не убивать людей за бревно или за вершокъ земли. Но развѣ отъ этого многаго можно ждать?

Хорошо, князь Гагаринъ смилостивится, за бревно не будетъ убивать. Спасибо ему на этомъ—благодарите его, что онъ щадитъ людей, не закапываетъ ихъ въ землю за вершокъ пашни! Но, пожалуй, вамъ добрые люди надо чего нибудь большаго? Есть у васъ на чемъ сѣ т. хлѣбъ, есть у васъ куда выгнать скотину, есть у васъ кринка молока для дѣтей?

Объ этомъ поговорите съ губернаторомъ. Скажите ему, что вамъ нужна земля такъ же, какъ руки его превосходительству, что вамъ не на чемъ работать, нечего ѣсть, что отъ безземелья вы пропадете. Скажите это губернатору, скажите ему ясно, толково—вѣдь это же правда, а всякая правда бываетъ ясной, толковой. Что вамъ отвѣтитъ губернаторъ? Будте довольны, если за ваши рѣчи, онъ объ васъ не обломаетъ всего гагаринскаго лѣса! Это бунтъ противъ помѣщиковъ, это бунтъ противъ властей, оберегающихъ помѣщиковъ, а бунты усмиряются розгами и солдатами...

Мужикамъ нечего надѣяться на губернаторовъ, на царя. Все это ихъ враги, и это мужикъ долженъ понять прежде всего. Пока онъ этого не поймете—ему не выйти на вольный свѣтъ изъ западни, онъ будетъ рабомъ голоднымъ, битымъ рабомъ.

Вся русская бѣда не только въ малоземельи, въ голодѣ, но еще больше всего въ томъ, что люди не понимаютъ, кто ихъ враги. Они видятъ черкесовъ Гага-

рина, а не видятъ черкеса въ зимнемъ дворцѣ—царя Николая II, атамана надъ всѣми черкесами. Они ненавидятъ гагаринскихъ черкесовъ, но съ надеждой смотрятъ на царя черкеса, ждутъ его милостей. Они убираютъ прочь черкесовъ Гагарина и не додумаются выгнать вонъ черкеса Николая, того самаго черкеса, который издаетъ всѣ законы, распоряжается Россіей.

Въ городахъ рабочіе это уже понимаютъ; понимаютъ, что прежде всего надо смѣстить царское правительство, а вмѣсто него должно быть правительство выборное отъ народа. Народъ долженъ самъ управлять собой —тогда будутъ издаваться хорошіе полезные законы, не будетъ тяжелыхъ податей, не будутъ народъ хлестать въ три кнута, не посмѣютъ никакіе князья Гагарины и Голицыны измываться надъ народомъ, какъ измываются сейчасъ—на нихъ найдете управа въ законѣ...

Когда народъ будетъ самъ управлять собой черезъ своихъ выборныхъ, черезъ своихъ лучшихъ довѣренныхъ лицъ,—онъ прежде всего постановитъ, чтобы народу какъ можно больше увеличить земли.

Тогда будетъ нарѣзка отъ государства. Много дворянской земли перейдетъ сейчасъ же мужикамъ, а впослѣдствіи вся земля станетъ народной собственностью.

Не будетъ Гагариныхъ, за зря владѣющихъ землею, а будетъ сидѣть на землѣ только тотъ, кто работаетъ самъ на ней, кто ведетъ хозяйство трудами своихъ рукъ.

Но всего этого можно добиваться и все это будетъ только тогда, когда Россія освободится отъ царя, который самъ первый помѣщикъ Россіи и держитъ руку всѣхъ помѣщиковъ. Когда въ Петербургъ и изъ Рязанской, и изъ Смоленской, и изъ Вятской, и изъ Полтавской, изъ всѣхъ русскихъ губерній рабочій людъ Россіи пошлетъ своихъ выборныхъ, — они составятъ Земскій Соборъ, народное правительство. И этотъ Соборъ будетъ разбирать крестьянскія нужды не такъ,

какъ ихъ разбираютъ губернаторъ и царь. „Мужики требуютъ земли — выпороть ихъ!“ — вотъ что дѣлаютъ губернаторы и царь. „Мужики требуютъ земли — давайте рѣшать, какая имъ должна быть прирѣзка!„ — вотъ что будетъ дѣлать Земскій Соборъ изъ выборныхъ ото всей Россіи.

Кто хочетъ счастья для себя и внуковъ, — бросьте надежды на царя и его чиновниковъ. У нихъ для васъ есть только розги и пули — отъ этого люди не дѣлаются счастливѣе. Рабочій народъ Россіи долженъ надѣять ся на себя, на свою силу, на свою борьбу съ врагами. Поймите, кто эти враги и думайте, крѣпко думайте какъ бороться съ ними! Русскому народу давно уже пора думать — слишкомъ долго жилъ онъ безъ всякой мысли.

Подумаемъ и мы съ вами—въ другомъ письмѣ.

Говорилп царю:—„Бѣденъ, теменъ мужикъ.
Повели, государь, просвѣтить мужика!“—
—Не мелите вы чушь,—съ сердцемъ вымолвилъ царь.
Для чего это мнѣ просвѣщать мужика?
— Для чего и къ чему?

Если подать когда къ сроку онъ не отдалъ,
Такъ за это ему сорокъ розогъ вкатить!..
Если бѣденъ мужикъ,—значитъ, пьянствовать сталъ!
А за пьянство его ужъ не миловать сталъ!
—Сыпь полсотни ему!..

—Онъ теперь терпѣливъ, молчаливъ, какъ стѣна:
И хвала, и почетъ мнѣ теперь отъ него,
А попробуй ка я, позаботься о немъ,
Подучи, просвѣти хоть немного его...
Такъ ужъ онъ и тово!...

Онъ не станетъ тогда и властей признавать,
Да и подать платить перестанетъ совсѣмъ;
И богатъ будетъ онъ... Да какой же мнѣ толкъ?...
Скажетъ:..самъ я уменъ... обойдусь безъ царя!..
Значитъ, къ чорту его!...

И не сладить тогда никому съ мужикомъ:
Онъ силенъ, какъ медвѣдь, своенравенъ, какъ быкъ..
Да на счастье мое неразвитъ, неученъ,
И въ придачу къ тому ужъ онъ тяжекъ на подъемъ..
Не то бъ, Боже спаси!...

Нѣтъ!... ужъ мнѣ мужика не пристало учить;
Всероссійскую тьму ужъ не мнѣ разгонять!
Хоть и бѣденъ мужикъ, да онъ подать несетъ;
Онъ коснѣетъ во тьмѣ.. ну, такъ чтожъ?...
—Вѣдь за то я и царь на Руси!

Типографія
Революціонной Соціалъ-Демократической Организаціи „Вели“.